

С. Б. Чебаненко

**Восприятие и оценка мести древнерусскими авторами:
месть Божья и месть людская**

УДК 94(470+571)+340(091):343(091):271.2-4
DOI 10.47132/2618-9674_2024_4_168
EDN CRMKVI

Аннотация: Оценка мести авторами Древней Руси осуществлялась преимущественно сквозь призму идеи Божьего отмщения, которое занимало особое место в рассуждениях средневековых книжников. Летописи и другие источники содержат рассуждения на эту тему, включающие цитаты из библейских книг и других источников и их интерпретации относительно конкретных исторических событий. Под местью могли пониматься различные явления: от частной мести до военных столкновений. «Отмщение от Бога» соотносится и с актами мщения, относящимся к древнерусским реалиям. Здесь отмечается изменение оценок, выражающееся во всём большем осуждении таких действий, поскольку мщение, кара должна исходить от Бога или его представителей. Однако сохраняется и нейтральная, даже сочувственная характеристика подобных эпизодов. Мотивы авторов, показывающих одних мстителей орудием в Божьих руках, а других поступающими неправильно, не всегда прозрачны. Многие в оценке конкретных событий книжниками зависело от их политических, идейных, даже личных пристрастий и других обстоятельств.

Ключевые слова: Древняя Русь, книжность, Божье мщение, кровная месть, кара, наказание, княжеская власть, Ветхий Завет.

Об авторе: **Сергей Борисович Чебаненко**

Кандидат исторических наук, старший преподаватель Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7695-5482>

Для цитирования: Чебаненко С. Б. Восприятие и оценка мести древнерусскими авторами: месть Божья и месть людская // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2024. № 4 (28). С. 168–178.

Статья поступила в редакцию 28.11.2024; одобрена после рецензирования 02.12.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Sergey Chebanenko

Perception and Evaluation of Revenge by Ancient Russian Authors: God's Revenge and Human Revenge

UDK 94(470+571)+340(091):343(091):271.2-4
DOI 10.47132/2618-9674_2024_4_168
EDN CRMKVI

Abstract: Ancient Russian authors assessed retribution mainly within the framework of the idea of God's vengeance, and this idea had a special place in the reasoning of medieval scribes. Chronicles and other sources contain reasoning on this topic, including quotes from biblical books and other sources, as well as their interpretations of specific historical events. Retribution could refer to various phenomena: from private revenge to military confrontations. In a number of cases, "retribution from God" is also associated with acts of revenge related to ancient Russian realities. The article notes a change in assessments, which is expressed in the increasing condemnation of such acts, since revenge, retribution must come from God or his representatives. However, a neutral, even sympathetic characteristic of such episodes is still extant. The motives of the authors showing some revengers as a tool in God's hands and other revengers as doing wrong are not always clear enough. Much in the assessment of specific events by scribes depended on their political, ideological and even personal preferences, as well as some other circumstances.

Keywords: Ancient Rus', Bookishness, God's Vengeance, Blood Feud, Punishment, Chastisement, Princely Power, Old Testament.

About the author: **Sergey Chebanenko**

Ph.D in History, senior lecturer, Institute of History in Saint Petersburg state university.

E-mail: tchebanenko.sergei@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7695-5482>

For citation: Chebanenko S. Perception and Evaluation of Revenge by Ancient Russian Authors: God's Revenge and Human Revenge. *Paleorosia. Ancient Rus in time, in personalities, in ideas*, 2024, No. 4 (28), p. 168–178.

The article was submitted 28.11.2024; approved after reviewing 02.12.2024; accepted for publication 12.12.2024.

В научной литературе при обсуждении вопроса о влиянии христианства на развитие древнерусского права подчеркивается несовместимость христианской доктрины с бытовавшей на Руси кровной мстью и связанными с нею представлениями. Кроме того, много написано об огромном влиянии новой веры на процесс исчезновения, упразднения этого института. Если в отношении второго положения можно вести полемику о значении иных факторов, кроме церковно-религиозного, и привести существенные доводы, что в этом отношении роль церкви далеко не всегда не была определяющей (при общем неприятии ею мести), то первое утверждение как будто представляется бесспорным.

Существовавший на Руси обычай мести противоречил «заповеди “не убий” и призыву не мстить за себя, ибо это — дело не людей, а Бога, сказавшего “Мне отмщение, Аз воздам”». Закон о мести вообще противоречит учению о прощении и милосердии, учению о любви, не помнящей зла»¹. Тем не менее, обращаясь к свидетельствам древнерусских источников, прежде всего — летописным, можно обратить внимание, что авторы, практически все принадлежавшие или близкие к церковной среде, далеко не всегда демонстрируют бескомпромиссно осуждающую позицию, когда дело касается описания или упоминания мщения. Разумеется, нельзя ожидать, что все случаи упоминания мести в источниках будут сопровождаться оценочными комментариями, тем не менее имеется достаточное количество примеров, примечательных в этом плане.

Говоря об отношении древнерусских авторов к мести, необходимо иметь в виду, что под мстью могут пониматься различные явления: в одних случаях речь идет об обычаях, присущих населению Руси, в других мсть понимается как более общий, глобальный феномен. Применительно к древнерусским реалиям также можно говорить о явлениях разного порядка. Это может быть частная мсть, мсть за родственников, как это подразумевается в Русской Правде² или (с определенными оговорками) в летописном рассказе под 1071 г. о расправе с волхвами у Белоозера³. Это может быть и гораздо более сложное, масштабное действие, выходящее за рамки воздаяния конкретным убийцам за убийство родственника, такое как мсть княгини Ольги⁴ или же расправа, названная «мщеньем», с жителями г. Всеволожа со стороны князей Ростиславичей после ослепления Василько Ростиславича. Этим возможные градации мщения в домонгольской Руси не ограничиваются. Так, мщением называются и различные меры, предпринимаемые не только в ответ на убийство кого-либо, но и за нанесенные обиды, причинение ущерба материального и физического и т. д. Отдельно стоит отметить, что «мстью» нередко называются и различные военно-политические мероприятия: так, в 944 г. Игорь после неудачного похода на Константинополь повторно отправляется с войском — «хотя мстити себе»⁵; уже упомянутый Василько Ростиславич, говоря о своей вражде с Польшей, утверждал, что воевал с ней, желая «мстити Русьскую землю»⁶. Юрий Долгорукий, имевший к своему племяннику Изяславу Мстиславичу целый ряд претензий как личного, так и политического характера, говорил, планируя решить вопрос военным путем: «а любо соромъ слоужу и земли своєю мщю, любо честь свою налезу, паки ли я голову свою слоужу»⁷. В научной

¹ Щербаков Д. А. Русская Правда как исторический источник по вопросу о степени укорененности христианских воззрений в правосознании населения Киевской Руси // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2020. № 3 (16). С. 32.

² Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941. С. 70, 104–105.

³ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 178.

⁴ Там же. Стб. 55–60.

⁵ Там же. Стб. 45.

⁶ Там же. Стб. 266.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 375–376.

литературе, как правило, основное внимание уделяется мщению, отраженному в Русской Правде — мести за убийство родственников, предполагающей смерть убийцы или материальную компенсацию, т.е. кровной мести.

Тема Божьего мщения занимает особое место в рассуждениях древнерусских авторов. Вопрос о соотношении наказаний людских и Божьих, суда земного и небесного в идеологии, праве и практике Древней Руси в последнее время становится предметом специального изучения⁸. Летописи и другие источники пестрят рассуждениями на эту тему⁹, включающими не только цитаты из библейских книг и других источников, но и довольно интересные их интерпретации относительно конкретных событий. Божье мщение, т.е. кара, наказание, не ограничивается воздаянием за убийства и другие преступления (и тем более, оно не служит только «заменой» кровной мести), его действие гораздо шире — оно настигает тех, кто так или иначе нарушает Божью волю¹⁰. В ряде случаев «отмъстье от Бога» прямо соотносится авторами с осуществлением кровного и других форм мщения, имевшими место в древнерусских реалиях.

Владимир Мономах в «Поучении» приводит такую цитату из Псалыри (Пс 57:11–12): «Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще естъ плодъ праведника, и естъ убо Богъ судаяй землѣ»¹¹. Всякое наказание за преступления, «отмъстье», должно исходить от Бога. «Богъ убо мститель естъ неправду творящимъ»¹². К мести Бога обращаются, и обещая наказания убийцам: «мъститель естъ Богъ и възыщеть крови неповиннаго» (об убийстве Игоря Ольговича в 1147 г.)¹³; «аще кровь мою прольясте на землѣ, да Богъ отомъститъ вы и мои хлѣбъ», обращается Андрей Боголюбский к своим убийцам, предавшим князя¹⁴. При этом авторы, говоря на данную тему, обычно сопровождают свои рассуждения подходящими ветхозаветными и иными примерами и цитатами. Наказание (возмездие), правосудие, если и совершается людьми, то допустимо только как исполнение Божьей воли и должно совершаться от Его имени.

Несмотря на то, что логика Страшного суда предполагает наказание за грехи по результатам оценки всей жизни человека и того, как он подошел к её завершению

⁸ Долгов В. В. Княжеское правосудие и православие в Древней Руси XI–XIII веков // *Философия права*. 2014. № 2. С. 73–77; Шавеко Н. А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси под влиянием христианской мировоззренческой парадигмы (XI–XV вв.) // *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 2020. № 3. С. 10–33; *Его же Правда: социально-правовой и религиозно-нравственный идеал Древней Руси (XI–XVII вв.)*. М., 2022. С. 31–53; *Костромин К.* Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 151–167.

⁹ Подборку примеров на тему Божьего возмездия в древнерусских материалах см.: Шавеко Н. А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси... С. 24–26; *Его же Правда: социально-правовой и религиозно-нравственный идеал Древней Руси (XI–XVII вв.)*. С. 39–44.

¹⁰ Например, Божья кара ожидает клятвopеступников. Так, в русско-византийском договоре 945 г. предусмотрено, что христиане, нарушившие условия договора, «да примутъ месть от Бога вседержителя, осуженья на погибель въ сии векъ и в будущи» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 47).

¹¹ Там же. Стб. 242.

¹² ПСРЛ. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. С. 26. Эта ёмкая и удачная формулировка применена летописцем при описании межкняжеских споров о владениях конца XII в., но время её появления в летописи значительно более позднее и выходит за рамки домонгольского периода (Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси // *Пресняков А. Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по Русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 110, прим. 271).

¹³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 353.

¹⁴ Там же. Стб. 587.

(что, в общем, отчасти противоречит идее прижизненного воздаяния), важно было показать, что Бог карает за несправедливые поступки и на этом свете¹⁵. Более того, как отмечает прот. К. А. Костромин, «идея прижизненного наказания от Бога взамен наказания от власть предержащих в древнерусской литературе превалировала»¹⁶. В. В. Долгов объясняет такое особое внимание к прижизненной каре «злодеев», исходящей от Бога, тем, что «мысль о посмертном воздаянии, очевидно, была для раннесредневекового человека слишком абстрактной»¹⁷. Последнее справедливо для основной массы населения, далекой от христианской образованности, но древнерусские авторы придают вопросу наказания преступников на Страшном суде большое значение¹⁸. По наблюдениям К. А. Костромина, согласно представлениям древнерусских книжников, Бог не мстит (наказывает) дважды, тем не менее преступник может быть наказан за свое преступление не единожды — и карами, исходящими от людей, и карами, исходящими от Бога¹⁹.

В плане соотношения кровной мести — кары, исходящей от людей, и «отмѣстья от Бога» — очень характерно описание противостояния Ярослава Мудрого и Святополка Окаянного. Под пером летописца Ярослав неоднократно обращается к теме Божьего мщения: князь выступает против брата, по сути, не как кровный мститель за убитых тем Бориса и Глеба, он представлен исполнителем Божьей воли, мотив частной мести полностью затмевается Божьим отмщением за пролитую «кровь праведную»²⁰. Ярослав одерживает верх, а Святополк, изгнанный подобно Каину, в муках оканчивает свою жизнь на чужбине и принимает посмертное воздаяние: «его же и по правдѣ, яко неправѣдна, суду пришедшу по отшествии сего свѣта прияша муки сего, оканьнаго»²¹.

Далеко не все случаи кары человеком человека в глазах летописцев и других авторов признаются приемлемыми и получают одобрение. «Фактически летописная история Руси домонгольской эпохи во многом есть история того, как происходила внесудебная расплата с теми, кто казался кому-то виновным, и как современники или потомки оценивали степень «справедливости» таких действий»²². «Самодетельность» «казнящих» может осуждаться, причем нередко прямо указывается, что виновные должны отвечать перед Богом, принять «мечь», наказание, от Бога. Граница, отделяющая поступки мстителей, выступающих, тем не менее, исполнителями Божьей воли, от неприемлемых (хотя в чем-то и справедливых) действий, не очерчена точно²³. Мотивы авторов, показывающих одних карателей, мстителей орудием в Божьих руках, а других, поступающими неправильно и вмешивающимися в область Божьего правосудия, не всегда прозрачны. В ряде случаев при описании мщения и вовсе не дается никакой оценки, ход событий излагается совершенно нейтрально.

¹⁵ Шавело Н. А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси... С. 26–27, 32; *Его же Правда: социально-правовой и религиозно-нравственный идеал Древней Руси (XI–XVII вв.)*. С. 45–53. См. также: Долгов В. В. Власть и право в Древней Руси XI–XIII в. М., 2015. С. 90; Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси... С. 162.

¹⁶ Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси... С. 162.

¹⁷ Долгов В. В. Власть и право в Древней Руси XI–XIII в. С. 90.

¹⁸ Соответствующие примеры и комментарии к ним см.: Шавело Н. А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси... С. 26–32; *Его же Правда: социально-правовой и религиозно-нравственный идеал Древней Руси (XI–XVII вв.)*. С. 45–53.

¹⁹ Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси...

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 141, 144.

²¹ Там же. Стб. 145.

²² Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси... С. 163.

²³ Это обстоятельство применительно к «экстраординарным» и «экстралегальным расправам» в целом, отмечает К. А. Костромин (Там же. С. 163).

Правом творить суд от имени Бога и наказывать виновных обладают представители власти, в первую очередь князья²⁴ (хотя и они время от времени подвергаются критике). По словам епископов, убеждающих Владимира Святославича ввести смертную казнь за убийство, до того традиционно караемое посредством кровной мести, «ты поставленъ еси от Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье, достоинъ ти казнити разбойника, но со испытомъ» (конец X в.)²⁵. В Паремийнике о свв. Борисе и Глебе, ссылаясь на «апостольское слово» (Рим 13:4), о роли правителя, говорится так: «братие, Бога боиться, князя чтѣте, Господеви бо слуга есть, не туне бо мечь носить — въ мьсть злодѣмъ, в хвалу же добродѣмъ»²⁶. Похожие слова, согласно летописи, произносит в 1149 г. Владимирко Володаревич, обращаясь к Юрию Долгорукому: «Бог поставилъ насъ волостели в мьсть злодеемъ и в добродетель благочестивымъ»²⁷. Почти то же самое говорится и в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», где также добавлено: «власти бо от Бога учинены суть»²⁸. Близкая мысль проводится в послании киевского митр. Никифора I Владимиру Мономаху — князь должен судить, будучи «от Бога наставляемъ» и поминая Бога²⁹. И подобного рода высказываний в древнерусских источниках немало.

В другом месте послания митр. Никифора I Владимиру Мономаху рассуждения о приемлемом поведении правителя и его праве на кару, «месть» представлены несколько в ином ключе. Рассказывая князю о трех силах человеческой души, митрополит, говоря о второй из них, «яростной», предусматривающей усердие («ревнование») к Богу и «на Божия врагы мьсть», допускает убийство этих «врагов», которое отличает от убийств разбойниками и язычниками мотив «ревности» к Богу³⁰. Никифор здесь прежде всего подразумевает решимость в искоренении врагов веры, что видно и по ветхозаветным примерам, к которым он обращается³¹. В том же смысле можно понимать и сцену ниспровержения «кумиров» Владимиром Святославичем, когда по его повелению идолов языческих богов секли, жгли, волокли и били «жезлиемъ»: «на поруганье бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ чловѣкъ, да возмѣзде приметь от чловѣкъ»³². «На Божия врагы мьсть», видимо, подраз-

²⁴ Однако, принесенная из Византии идея божественного происхождения власти князя закрепляется только к рубежу XI–XII вв., и, судя по всему, ещё не слишком ещё прочно (*Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 141–142, 148; *Полянский С. М.* Богословско-философские взгляды митрополита Никифора // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 2 (4). С. 106–107). При этом она не имела широкого распространения и не выходила за рамки узкого круга лиц, причастных к достижениям греческой культуры и образованности (*Долгов В. В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности. XI–XII вв. СПб., 2017. С. 17–27).

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127.

²⁶ Паремийные чтения // *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пг., 1916. С. 117. Стих послания Павла к римлянам включен в эпизод убеждения Ярославом Мудрым новгородцев, которые не спешили идти с ним на борьбу со Святополком Окаянным. Основной посыл этой фразы здесь — необходимость послушания князю, Божьему ставленнику, а мотив наказания Святополка и мщениа за Бориса и Глеба — на втором месте.

²⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 392.

²⁸ Там же. Стб. 592–593. Здесь, однако, акцент делается не на основаниях именно княжеского суда, а на божественном происхождении княжеской власти и необходимости её подчиняться.

²⁹ Послание Владимиру Мономаху о посте // *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII века. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 70.

³⁰ Там же. С. 67–68, 69.

³¹ *Полянский С. М.* Богословско-философские взгляды митрополита Никифора. С. 103; Послания митрополита Никифора. М., 2000. С. 91, прим. 37.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 116–117.

умеается и в известии под 1071 г. о расправе с волхвами по распоряжению Яня Вышатича³³.

Что касается мести в узком смысле (кровной мести), то от неё нужно отказаться, виновные в преступлениях должны принять месть от Бога (в том числе и посредством властей, Его представляющих), а не от рук пострадавшей стороны. В Новом Завете прямо говорится, что мщение — дело рук Бога, а не людей: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: “Мне отмщение, Я воздам”, говорит Господь» (Рим 12:19). Подобный взгляд демонстрирует летописец, который в известии под 1097 г. осуждает князей Ростиславичей за их акты мщения в ответ на ослепление Василько Ростиславича³⁴. Той же позиции придерживается Владимир Мономах в письме Олегу Святославичу, отказываясь вместе с сыном Мстиславом мстить Олегу за смерть другого своего сына, Изяслава, погибшего в битве с войсками черниговского князя: «А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си пред Богомъ», «нѣсмъ ти ворожбитъ, ни мечьникъ»³⁵. В «Поучении» Мономах формулирует и общий принцип в отношении убийств (по крайней мере, убийств христиан): «Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте оубити его; аще будетъ повинень смерти, а душа не погубляете никакоже хрестьяны»³⁶. Впрочем, исследователи справедливо полагают, что летописная статья под 1097 г. (в составе которой находится «Поучение»), часто вся приписываемая Василию, автору «Повести об ослеплении князя Василька» (где он выступает как очевидец и участник событий, споры о его личности и статусе продолжаются), направлена на прославление мудрости и великодушия Владимира Мономаха³⁷. Тогда приведенные два примера (о мести Ростиславичей и слова о мести и убийстве в сочинениях Мономаха) могут считаться не столько свидетельством широкого распространения подобных взглядов, сколько отражением позиции Мономаха и близких ему кругов.

Ещё один вопрос, который следует отметить в контексте отношения древнерусских книжников к институту кровной мести, касается оппозиции христианского учения и языческих верований. Связь кровной мести с языческими представлениями во многом раскрывается при рассмотрении самих способов наказания виновных в преступлении. Нередко это различные действия, связанные с повешением виновного или подвешиванием его тела после самого умерщвления и некоторые другие манипуляции³⁸. В этом отношении наблюдается также некоторая неопределенность в разграничении средневековыми авторами приемлемого и недопустимого поведения, что проявляется в описании деталей отмщения, в той или их оценке или, напротив, — в отсутствии каких-либо комментариев. Сами способы осуществления мести, зачастую содержащие сомнительные, с точки зрения христианина, элементы, не получают прямого осуждения.

Можно заключить, что отношение христианских авторов к кровной мести формировалось в первую очередь посредством восприятия концепции «отмѣстья от Бога» в силу

³³ Там же. Стб. 175–178.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 268–269.

³⁵ Там же. 252–254.

³⁶ Там же. Стб. 245.

³⁷ См.: Пауткин А. А. «Повесть об ослеплении Василька Теробовльского»: культурно-исторический контекст и структура летописной статьи 6605 года // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. С. 797–827.

³⁸ Чебаненко С. Б. Практика посмертного повреждения тел «нечистых» покойников в Южной Руси и в Прикарпатье и месть за ослепление Василька Теробовльского // Русин. 2017. № 1 (47); *Его же* Кровная месть или смертная казнь: об одном известии о Григории Чудотворце (последняя треть XI века) // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Вып. 8. СПб., 2017. С. 88–90.

того, что «право мести в христианской системе координат перешло к Богу. Бог мстит за обиженных, им не нужно заботиться об отмщении, и в этой высшей мести заключен в том числе суд Божий»³⁹. Такие идеи, как прощение обидчиков, запрет на убийство в этом плане, по-видимому, имели меньшее значение. Также в летописях и других источниках говорится, что наказание должно исходить от властей, уполномоченных Богом на совершение правосудия. Однако принцип отказа от возмездия далеко не всегда соблюдался на практике. Более того, отдельные примеры обращения к мести могли получать не только нейтральное, но даже и одобрительное освещение в источниках (например, расправа с волхвами у Белоозера в известии под 1071 г., прокомментированная как исполнение Божьей воли)⁴⁰. Приведенные выше положения позволяют обозначить лишь примерные пределы допустимого и неприемлемого в применении кары и в обращении к возмездию с точки зрения концепции Божьей мести. Очень многое в оценке авторами конкретных событий зависело от их (и их патронов) идеологических, политических и личных пристрастий и других обстоятельств.

Источники и литература

Источники

1. Паремийные чтения // *Абрамович Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им*. Пг., 1916. С. 113–121.
2. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885.
5. Послание Владимиру Мономаху о поете // *Понырко Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII века. Исследования, тексты, переводы*. СПб.: Наука, 1992. С. 66–71.
6. Послания митрополита Никифора. М.: ИФРАН, 2000.
7. Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1941.

Литература

8. *Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности. XI–XII вв.* СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.
9. *Долгов В.В. Власть и право в Древней Руси XI–XIII в.* М.: РПА Минюста России. 2015.

³⁹ *Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси...* С. 159.

⁴⁰ Ср. замечание А. В. Лаушкина, о превращении княжеских конфликтов «на страницах летописей если не в одобряемое, то и не в слишком порицаемое явление»; «усобицы были горькой реальностью запутанной политической жизни, заставлявшей как-то мириться с собой». Этому в значительной мере способствовала и «находившая живой отклик у князей домонгольского времени идея „Божьего суда“» (*Лаушкин А.В. «Темная подоплека» княжеских усобиц в летописных известиях XI–XIII в.* С. 69. См. также: *Лаушкин А.В. Усобица как «Божий суд» на страницах древнерусских летописей XI–XIII вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии. Проблемы политогенеза: XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*. М., 2011. С. 159–163).

10. Долгов В. В. Княжеское правосудие и православие в Древней Руси XI–XIII веков // *Философия права*. 2014. № 2. С. 73–77.
11. Костромин К. Казни земные и небесные в Древней Руси: от богословского осмысления к практике // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 151–167.
12. Лаушкин А. В. «Темная подоплека» княжеских усаобиц в летописных известиях XI–XIII в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2001. № 3 (45). С. 68–69.
13. Лаушкин А. В. Усаобица как «Божий суд» на страницах древнерусских летописей XI–XIII вв. // *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии. Проблемы политогенеза: XXII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто*. 2011. Т. 23. С. 159–163.
14. Пауткин А. А. «Повесть об ослеплении Василька Теребовльского»: культурно-исторический контекст и структура летописной статьи 6605 года // *Герменевтика древнерусской литературы*. 2014. С. 797–827.
15. Полянкий С. М. Богословско-философские взгляды митрополита Никифора // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2001. № 2 (4). С. 97–108.
16. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси // *Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по Русской истории. Киевская Русь*. М.: Наука, 1993.
17. Чебаненко С. Б. Кровная месть или смертная казнь: об одном известии о Григории Чудотворце (последняя треть XI века) // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Альманах. Вып. 8. СПб., 2017. С. 81–97.
18. Чебаненко С. Б. Практика посмертного повреждения тел «нечистых» покойников в Южной Руси и в Прикарпатье и месть за ослепление Василька Теребовльского // *Русин*. 2017. № 1 (47). С. 50–66.
19. Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М: Наука, 1991.
20. Шавеко Н. А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси под влиянием христианской мировоззренческой парадигмы (XI–XV вв.) // *Вестник Московского университета*. Серия 8: История. 2020. № 3. С. 10–33.
21. Шавеко Н. А. Правда: социально-правовой и религиозно-нравственный идеал Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Инфра-М, 2022.
22. Щербаков Д. А. Русская Правда как исторический источник по вопросу о степени укорененности христианских воззрений в правосознании населения Киевской Руси // *Вестник Оренбургской духовной семинарии*. 2020. № 3 (16). С. 31–42.

Sources and References

Sources

1. Paremiynye chteniya [Paremia readings]. In: Abramovich D. I. *Zhitiya svyatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im [Lives of the Holy Martyrs Boris and Gleb and services to them]*. Petrograd, 1916, p. 113–121. (In Old-Russian)
2. *Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, vol. 1: Laurentian Chronicle. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. (In Old-Russian)
3. *Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, vol. 2: Ipatiev Chronicle. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. (In Old-Russian)
4. *Polnoe sobranie russkikh letopisey [Complete collection of Russian chronicles]*, vol. 10. Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1885. (In Old-Russian)

5. Poslanie Vladimiru Monomakhу o poste [Message to Vladimir Monomakh about fasting]. In: Ponyrko N.V. *Epistolyarnoe nasledie Drevney Rusi 11–13 veka. Issledovaniya, teksty, perevody* [Epistolary heritage of Ancient Rus' of the 11th–13th centuries. Research, texts, translations]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1992, p. 66–71. (In Old-Russian and Russian)
6. *Poslanija mitropolita Nikifora* [Epistles of Metropolitan Nicephorus]. Moscow, Institute of Philosophy RAS Press, 2000. (In Old-Russian and Russian)
7. *Pravda Russkaya* [Russian truth], vol. 1: texts. Moscow, Leningrad, 1941. (In Old-Russian and Russian)

References

8. Dolgov V.V. *Byt i nruvy Drevney Rusi. Miry povsednevnosti. 11–12 vv.* [Everyday life and customs of Ancient Rus'. Everyday worlds. 11th–12th centuries]. St Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017. (In Russian)
9. Dolgov V.V. *Vlast' i pravo v Drevney Rusi 11–13 v.* [Power and law in Ancient Rus' of the 11th–13th centuries]. Moscow, Russian state university of justice Press, 2015. (In Russian)
10. Dolgov V.V. Knyazheskoe pravosudie i pravoslavie v Drevney Rusi 11–13 vekov [Princely justice and Orthodoxy in Ancient Rus' in the 11th–13th centuries]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2014, no. 2, p. 73–77. (In Russian)
11. Kostromin K. Kazni zemnye i nebesnye v Drevney Rusi: ot bogoslovskogo osmysleniya k praktike [Earthly and heavenly executions in Ancient Rus': from theological understanding to practice]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 1, p. 151–167. (In Russian)
12. Laushkin A. V. “Temnaya podopleka” knyazheskikh usobits v letopisnykh izvestiyakh 11–13 v. [“The Dark Background” of Princely Feuds in the Chronicle Records of the 11th–13th Centuries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2001, no. 3 (45), p. 68–69. (In Russian)
13. Laushkin A. V. Usobitsa kak “Bozhiy sud” na stranitsakh drevnerusskikh letopisey 11–13 vv. [Feuds as “God’s Judgment” on the Pages of Ancient Russian Chronicles of the 11th–13th Centuries]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages], 2011, vol. 23, p. 159–163. (In Russian)
14. Pautkin A. A. “Povest' ob osleplenii Vasil'ka Terebovl'skogo” kul'turno-istoricheskiy kontekst i struktura letopisnoy stat'i 6605 goda [“The Tale of the Blinding of Vasilko Terebovlsky”: Cultural and Historical Context and Structure of the Chronicle Article of 6605]. *Hermeneutics of Old Russian Literature*. Moscow, 2014, p. 797–827. (In Russian)
15. Polyanskiy S. M. Bogoslovsko-filosofskie vzglyady mitropolita Nikifora [Theological and philosophical views of Metropolitan Nicephorus]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The questions of Middle Ages], 2001, no. 2 (4), p. 97–108. (In Russian)
16. Presnyakov A. E. Knyazhoe pravo v Drevney Rusi [Princely law in Ancient Rus]. In: Presnyakov A. E. *Knyazhoe pravo v Drevney Rusi. Lektsii po Russkoy istorii. Kievskaya Rus'* [Princely law in Ancient Rus. Lectures on Russian history. Kievan Rus]. Moscow, Nauka Publ., 1993. (In Russian)
17. Chebanenko S. B. Krovnaya mest' ili smertnaya kazn': ob odnom izvestii o Grigorii Chudotvortse (poslednyaya tret' 11 veka) [Blood feud or death penalty: about one piece of news about Gregory the Wonderworker (last third of the 11th century)]. *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Rus: in time, in personalities, in ideas], almanac, issue 8. St. Petersburg, 2017, p. 81–97. (In Russian)
18. Chebanenko S. B. Praktika posmertnogo povrezhdeniya tel “nechistykh” pokoynikov v Yuzhnoy Rusi i v Prikarpat'e i mest' za osleplenie Vasil'ka Terebovl'skogo [The practice of posthumous damage to the bodies of “unclean” dead in Southern Rus and in the Carpathian region and revenge for the blinding of Vasilko Terebovlsky]. *Rusin*, 2017, no. 1 (47), p. 50–66. (In Russian)

19. Chichurov I. S. *Politicheskaya ideologiya srednevekov'ya (Vizantiya i Rus')* [Political ideology of the Middle Ages (Byzantium and Rus)]. Moscow, Nauka Publ., 1991. (In Russian)

20. Shaveko N. A. Evolyutsiya predstavleniy o pravde v Drevney Rusi pod vliyaniem khristianskoy mirovozzrencheskoy paradigmy (11–15 vv.) [Evolution of ideas about truth in Ancient Rus under the influence of the Christian ideological paradigm (11th-15th centuries)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University. Series 8: History*, 2020, no. 3, p. 10–33. (In Russian)

21. Shaveko N. A. *Pravda: sotsial'no-pravovoy i religiozno-nravstvennyy ideal Drevney Rusi (11–17 vv.)* [Truth: socio-legal and religious-moral ideal of Ancient Rus (11th-17th centuries)]. Moscow, Infra-M Publ., 2022. (In Russian)

22. Shcherbakov D. A. Russkaya Pravda kak istoricheskiy istochnik po voprosu o stepeni ukorenennosti khristianskikh vozzreniy v pravosoznanii naseleniya Kievskoy Rusi [Russkaya Pravda as a historical source on the degree of rootedness of Christian views in the legal consciousness of the population of Kievan Rus]. *Vestnik Orenburgskoy dukhovnoy seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary], 2020, no. 3 (16), p. 31–42. (In Russian)